

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ РИСК-РЕФЛЕКСИИ: ОБЩЕСТВО РИСКА И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ*

А. А. Никифоров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье поднимается проблема роли риск-рефлексии в формировании политического пространства и отношений различных акторов. Автор отталкивается от проблемы необходимости социального порядка Т. Гоббса для определения роли государства в формировании пространства определенности/безопасности. Для этого риск-рефлексия рассматривается как онтологический принцип, который через субъектов позволяет создавать границу между стабилизированным знанием как действительным настоящим и неопределенностью как областью будущего с множественным исходом. Анализ определяет интерпретативные возможности различных концепций для понимания механизмов риск-рефлексии в практиках различных политических акторов и их взаимоотношений (государственных институтов, общественных движений, граждан). Для определения возможностей рассмотрения политического измерения риска автор рассматривает парадигму космополитики. Анализ событий, связанных с публичными конфликтами и катастрофами, позволяет обозначить ограничения контроля рисков государством и определить уровень массового сознания как пространства множественной риск-рефлексии, которая связана с явлениями современного политического популизма, иррациональности и актуализацией конспирологических нарративов как одним из способов обозначить воспринимаемые риски. Сами процессы цифровизации рассматриваются как способ снижения риска посредством управления им через детерминацию атрибутов/характеристик объектов. Вместе с тем цифровая коммуникация определяется как новый способ существования публичности, изменяющий возможности рефлексивности благодаря как всеобщей связанности, так и фрагментации на аудитории, объединенные восприятием различных рисков. Это определяет возможности для оценки дефляции управляющего знания и степени рассогласования восприятия рисков у различных политических акторов.

Ключевые слова: общество риска, риск, риск-рефлексия, знание, космополитика, катастрофа, эпидемия, цифровизация.

Исследование исторического дискурса риска (употребление выражения «в опасности») показывает, что понимание риска сформировалось в неразрывной связи с определенной формой знаний (статистика, вероятность) и институциональными практиками решения социальных проблем (например, руковод-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности»).

ства по обеспечению безопасности детей или сохранению зданий английского исторического наследия) [Zinn, 2018, p. 355].

Эта нововременная природа возникновения концепции риска отражает рост общего сознания до уровня постижения общего мира и его взаимосвязей в индивидуальном измерении. В этом отношении постановка проблемы риск-рефлексии предполагает понимание той базовой динамической границы, которая устанавливает личностно ориентированную связь между знанием как определенностью и неопределенностью как потенциально множественной реальностью. Эта проблема выходит на онтологический уровень и определяет понимание политического процесса.

Речь идет о возникновении государства как политического субъекта, который кристаллизует посредством себя определенность общего мира и способ его развития путем расширения границы понимания и сокращения *terra incognita*. Отправным пунктом здесь выступает поставленный Т. Гоббсом вопрос о необходимости возникновения политического порядка из индивидуальных волей. Если рассмотреть этот вопрос через риск-рефлексию, то можно представить субъектность нововременного государства как своего рода *сознание*, но уже выведенное (или отторгнутое) за индивидуальные границы, когда оно, аналогично составленному из коллективных волей гоббсовскому политическому телу, способно через процедуру делегирования обратиться против своих частей для общего блага. Здесь роль политического субъекта государства с его потенциально монопольным положением видится в упрочнении общего мира через контроль и защиту его подлинности, чему в явном виде служат классические идеологии. Эта мысль отчасти раскрывается через понимание Ж. Рансьером политического как гетерогенных процессов: полиции (управления как установления и поддержки определенности) и эмансипации (только не как равенства, а как проявления неупорядоченного, конфликтного).

Безусловно, данная мысль сталкивается с известным парадоксом «призрака в машине» при объяснении сознания, который, однако, здесь преодолим, поскольку на уровне индивидуального и коллективного речь идет о разнопорядковых «вещах умопостигаемых», а не о конфликте сознания и тела, где последнее в конечном итоге материально, т. е. «вещь протяженная».

Вместе с тем необходимо констатировать, что взаимосвязь онтологического и политического представляет здесь явную исследовательскую проблему, которая достаточно сложна и масштабна для рамок данной статьи. По этой причине данную связь предполагается раскрыть, с одной стороны, через рассмотрение самого понятия риск-рефлексии, с другой — через границы поля политики и соответствующих ему акторов разного уровня. Данная исследовательская стратегия тесно связана с решением дополнительных вопросов: определением эпистемологической перспективы через понимание механизмов и способов изучения риск-рефлексии в политике, с одной стороны, и, с другой стороны, объяснением роли процессов цифровизации как того, что определяет современную природу риск-рефлексии.

Все это определяет логику дальнейшую изложения, в которой онтологический уровень риск-рефлексии раскрывается через способы рефлексии

и управления риском в политике. Это предполагает, что дальнейшее изложение будет построено по принципу циклической спирали. Риск-рефлексия будет рассмотрена для каждого уровня политических действий (государство, общественные движения, массовое общество) абстрактно и событийно (конфликты, катастрофы). Для этого логика изложения будет выстраиваться через анализ существующих концепций и интерпретаций риска.

Анализ стоит начать с развиваемой У. Бекон и П. Вилингом концепции незнания как неизвестного, которое устанавливает более фундаментальную связь в современном обществе, нежели риск [Beck, Wehling, 2013]. Здесь нужно отметить, что неизвестное может рассматриваться только как потенциал конкретного в пространственно-временном измерении.

Нам представляется, что ключевым здесь становится принцип рефлексивности, который можно представить как динамический процесс множественного отражения некоторой области пространства знания от своих мыслимых вариантов (разделение на настоящее и будущее). Само возникновение альтернативных вариантов мыслимой реальности следует из неопределенности (неизвестного) как разрыва в области знания, который создается благодаря невозможности согласовать рассматриваемые варианты настоящего и будущего. В этом процессе рефлексии/отражения внимание играет особую роль, поскольку является осознанным собиранием в пространстве общего знания некоторой области определенности. Таким образом, ключевыми для понимания риск-рефлексии становятся способы формирования пространства знания, действия по сборке знания о риске и границы несоизмеримости (разрывов) в данном процессе.

Глобализация может рассматриваться как один из примеров масштабной интеллектуальной рефлексии рубежа XX–XXI вв., она стала объектом множественной концептуализации с целью снизить неопределенность в понимании явления. Возникшая в этом процессе связь между способами понимания и анализом различных рисков обязана своим появлением не только развитию транснационального обмена, но и специфике средств обмена. В этом плане глобализация демонстрирует трансформацию механизма риск-рефлексии, поскольку процесс не только оказался проблематизирован¹, но и сам стал планом для рефлексии о его составляющих благодаря технологическим изменениям. Коммуникационные и логистические технологии создали механизмы для создания и представления общего знания о частях (мира) и оперирования рисками в этом масштабе, что в некотором смысле имело эффект резонатора [Никифоров, 2011].

Рассмотрение риска в современной социологии в значительной степени связано с его объективацией. У. Бек через переосмысление риска переносит его на общий план общественных отношений и далее — политики. Фундаментальный характер неопределенности для возникновения риска здесь

¹ В работах М. Фуко понятие связано с процессом введения в игру истинного и ложного того, что конституируется как объект мысли. В данном контексте речь идет об области знания, оказавшегося в резонансе рефлексии.

рассматривается через три ключевые характеристики нового общества: а) де-локализация как невозможность ограничения риска географической или пространственной локацией; б) неисчислимость последствий из-за феномена научного незнания; в) некомпенсируемость как крах научной утопии о контроле над последствиями принимаемых решений благодаря развитию понимания мира [Бек, 2012, с. 40].

Эта логика детерминации риска макропроцессами может касаться уровня связи социальных и производственных отношений, когда демодернизация в качестве одного из эффектов создает рисковенную среду. Если последняя является локализуемой, то нарушение международной безопасности, передел рынков и ресурсов формируют «турбулентность» на уровне миросистемы [Яницкий, 2003]. В этом отношении предложенная Н. Талемом концепция «черного лебедя» как аномального с огромной силой воздействия события продолжает понимание риска как экспансивного и во многом неожиданного для современного общества феномена, создающего его основу в виде фундаментальной хрупкости.

Данная объективация риска в теории описывается и как историческое разграничение сломленного монизма индустриального общества и этапа уже рефлексивной модернизации, в которой невозможно овладение риском ни научно, ни технологически, ни политически. Новая рефлексивность связывается и с уровнем психологического восприятия как постоянным индивидуальным чувством опасности и неопределенности. Множественная взаимосвязь рисков в «текучей современности» новой фазы общества потребления у З. Баумана предполагает индивидуальное измерение через бремя свободного выбора и соответствующего страха его последствий. В таких условиях свобода без безопасности, по мысли социолога, формирует классическую аномию, ситуацию анархии, страха потери социальной позиции, что может закончиться тиранией, что в некоторой степени возвращает нас к известному феномену массовой психологической отчужденности, рассмотренной Э. Фроммом в концепции «бегства от свободы».

На уровне аналитической рациональности речь может идти об индивидуальном измерении появления (различения) риска посредством введения наблюдателя и процедуры атрибуции как соотнесения ущерба с субъектом (другим или собой), как это делает Н. Луман [Луман, 2013]. Таким образом, по его мысли, риск становится конструктом из области принимаемого субъектом решения, определяющим в его пространстве и времени неблагоприятное взаимодействие элементов и их соотношение.

Этот взгляд на процедуру интериоризации опасности субъектом для превращения ее в риск в отношении уже известного имеет еще и пространственное измерение как управление будущим. Проблема временной неопределенности относится к вопросу «онтологической безопасности», который Э. Гидденс концептуализирует через идентификацию с «другим» как основополагающим способом для вытеснения тревоги [Giddens, 2013], природа которой в значительной степени связана с проблемой необходимой детерминации своего будущего, отчужденного от сил природы, традиции или религии.

В этом отношении в данных концепциях риск носит, скорее, объектоориентированный характер. Нам же представляется, что процессуальное понимание риска через рефлексию открывает больше исследовательских перспектив.

Если мы рассмотрим взаимодействие с риском на уровне политического, исторический анализ общественного дискурса и концептуализации риска дают возможность понять и ряд особенностей развития самих исторических обществ [Itzen, Müller, 2016]. Во-первых, речь идет о формировании двойной темпоральности, когда восприятие риска детерминирует взгляд на настоящее и будущее, утверждая принцип зависимого развития за счет институционализации, что лучше всего видно на примере здравоохранения и борьбы с массовыми заболеваниями в частности. При этом восприятие события способно создавать точку отсчета и обоснования для коренной перестройки управленческих практик, что демонстрируют вспышки эпидемий или крупные катастрофы и теракты (Чернобыль, 9/11 и др.). Во-вторых, зависимость риска от действий и восприятия делает его в высшей степени антропоцентричным и при этом наделенным материальными качествами, которые зависят от развития человеческого знания и его категоризации (здоровье, общественная безопасность и пр.). В-третьих, история риска неразрывно связана с его последствиями, которые приобретают черты социального неравенства в своем распространении. На уровне управляющих риском акторов речь может идти об «экстернализации издержек» опасных производств через их размещение в развивающихся странах, расовых или классовых эффектах последствий стихийных бедствий как в случае урагана «Катрина» в американском Новом Орлеане.

Вместе с тем управление риском через формирование пространства определенности/знания само по себе является активным действующим процессом в поле политического, что неразрывно связано с понятием ответственности М. Фуко. В нашем случае оно объединяет принципы власти/знания через определение пространства (атрибутов) безопасной (нерискованной) жизни индивидов и его контроль. Поставленная Гоббсом проблема индивидуальных волеи и необходимости общего порядка в случае государства актуальна не только в плане понимания отношений контроля, надзора и освобождения, но и при постановке вопроса о неопределенности знания и рефлексии как возможного способа умножения альтернативных коллективных пространств знания. Дискуссия об автономном пространстве интернета десятилетия назад сегодня неразрывно связана с дискурсом ценностей анонимности и доступа к криптовалютам как развития идей гражданских свобод.

Дискуссия о космополитике как раз ставит вопрос о связи организованных акторов с формированием пространства общего знания. В этом вопросе для нас представляет интерес направление изучения науки и технологии (STS), чей анализ рассматривает способы наделения в рамках определенной космологии людей и не-людей (nonhumans) онтологическим статусом и отношениями в действительности (И. Стингерс, Б. Латур).

В частности, акторно-сетевая теория рассматривает механизмы, соотносимые с практиками риск-рефлексии, перевода фактов в предмет озабоченности (общественных отношений) посредством институциональной фабрики,

где статус участников и практики описания/подтверждения (эксперты, ученые, администраторы) сопровождают формирование знания для последующей легитимации объектов государственного администрирования. Иными словами, космополитика определяет тип отношений по поводу вещей, в которой они выделены как установленный предмет ведения или проблема [Latour, 2007].

Это понимание можно расширить через введение понятия риск-ландшафтов (riskscapes), которые определяются в категории пространства, в частности Ф. Нейссером, как «ассамбляжи, образованные материальными, социальными и дискурсивными сущностями и процессами», которые носят характер «сложных, гетерогенных и постоянно подвижных сетей, охватывающих локальные и глобальные отношения риска» [Neisser, 2014, p. 102–103].

На примере экологических конфликтов пространственное измерение и теория ассамбляжа дают возможность определить отношения между экспертами-консультантами, органами государственной власти, ответственными за планирование, и бизнесом, с одной стороны, и экологическими активистами, защитниками жителей и критически настроенными учеными — с другой [Müller-Mahn, Everts, Stephan, 2018, p. 202].

Поскольку конфликты являются фронтиром столкновения определенности и неопределенности, то они предполагают возникновение риск-рефлексии, как и наделение их политическими акторами рискогенностью. В этом отношении мы можем отметить особое значение катастроф, которые детерминированы как чрезвычайные события и тесно связаны с политическим по нескольким причинам. В одном случае катастрофа формирует особый режим политики, в котором возникающее чрезвычайное положение может быть способом разрешения государственного кризиса и новой легитимации (К. Шмитт) или является частной уловкой режима для обеспечения более строгого контроля над населением, новой биополитики (Д. Агамбен). На уровне управления знанием катастрофы создают космограммы риска, призванные описать взаимосвязи каждого уровня знания о них: где и каким образом они легитимируют ту или иную квалификацию события (например, «авария энергоблока» или «катастрофа» на Чернобыльской АЭС), определяют распределение ролей между политиками и учеными/экспертами, причины, профиль угроз и последствий.

В другом случае политическая практика формирует катастрофу как риск. Космополитика становится способом упорядочивания мира, который порождает катастрофы в своих собственных целях и по своим собственным правилам. Фокус институционального внимания, как отмечает М. Гуггенхайм, здесь смещается на риск катастрофы до момента наступления самих событий. Это становится значимой характеристикой современных государств: в центре работы экспертов и администраторов становятся образы бедствия и последствия, которые каждый из акторов институционально извлекает из них через политическую медиацию, связывающую воображаемое с практиками администрирования [Guggenheim, 2014, p. 9–11].

Если мы посмотрим на риск-рефлексию на уровне альтернативных государству политических акторов (общественных движений, акций протеста), то мы можем определить способ взаимосвязи катастрофы/риска и политики.

Введенное Д. Сноу в изучение протеста понятие фреймирования определяет способ гибкого включения граждан в интерпретативные ориентации движения (интересы, ценности, верования, цели и идеологии) и политическую социализацию на основе когнитивных структур политической репрезентации и осмысления окружающей действительности [Snow, 1986, p. 464].

Другими словами, в ходе деятельности общественных движений или масштабных протестных кампаний фреймирование формирует и репрезентует космограммы угроз, выстраивая их через категории несправедливости, ущемления прав, игнорирования интересов со стороны бизнеса или органов власти. В этом отношении в России фреймы крупных экологических протестных кампаний достаточно часто связывают воспринимаемые экологические угрозы с травмирующей исторической памятью («геноцид»), общественными ценностями (здоровье и будущее детей), правом на пространство («руки прочь от Русского Севера» и др.).

На уровне политики оспаривания фреймирование может рассматриваться как риск-рефлексия и соотноситься с возможным опротестованием базовой политической онтологии, сконструированной и поддерживаемой государственными акторами. При этом данный процесс может идти вне конфликтных форм, если речь идет о гибридизации рисков, когда меняется статус-кво относительно интерпретации угрозы, границ понимания объектов, соизмеримости или соответствия их социальной и политической реальности (например, утверждение права на жизнь и отсутствие эксплуатации в отношении животных рядом экологических движений).

Громкие катастрофы 1980-х годов в СССР к концу десятилетия легко разрушили свои базовые рамки оценки, став частью нарождавшейся публичной политики и процессов гражданской мобилизации. Авария на Чернобыльской АЭС оказалась публичным пространством оспаривания самих фундаментальных принципов понимания рисков и угрозы на уровне дискурса допустимых доз радиационного излучения, географии заражения, диагноза, физических процессов в реакторе и пр. Другим характерным примером является гибель теплохода «Адмирал Нахимов», резонанс от которой на уровне мнения члена комиссии по расследованию катастрофы обнаружил имплозию вопросов судовождения и эксплуатации пассажирских судов в область советской политики (в частности, речь об утверждении связи гибели теплохода с хозяйственными и административными принципами советского режима) [Чапкис, 1995].

Если мы перейдем на уровень массового восприятия, то одна из составляющих риск-рефлексии относится к отмеченной неопределенности как области умножения неблагоприятных альтернатив. Катастрофические события в ряде случаев способны открывать угрозы, которые обладают чертами расширяющейся неопределенности за счет своей скрытности, отложенного действия и многомерности. Наиболее явными примерами являются случаи инфекций, радиационного поражения, токсического воздействия веществ и пр. В теории управления неопределимость (неисчислимость) самого риска закономерно рассматривается как один из усиливающих психологических компонентов «круга восприятия риска».

Характерно, что на уровне принятия решений высокоорганизованных акторов эффект незнания или неопределенности рассматривается как фактор поляризации мнений и снижения качества взаимодействия в ситуации, когда нет принятой объективной рамки определения увеличения риска. Исследователи показывают, что в такой ситуации стейкхолдеры вместо коррекции собственного восприятия риска могут в большей степени стремиться делать поправку на рост рисков у других участников, снижая управляемость массового восприятия рисков [Busby, Onggo, 2013, p. 651].

Подобный психологический эффект в ситуации незнания на более общем плане выстраивания отношений риска в политике ведет к значимой асимметрии в массовом сознании. В этом отношении характерно рассмотрение Х. Бюде страха как вызова развитым и новым развивающимся странам, в которых представители среднего класса наиболее чувствительны к переживанию неопределенности своего статуса в перерывах между занятием йогой, коучинг-сессиями и занятием спортом [Bude, 2017, p. 33]. Данная интерпретация довольно логично вписывается в дебаты о связи новой социальной фрустрации с современным правым/левым популизмом, шовинистическими настроениями, голосованием за Brexit и Д. Трампа.

Уровень массового восприятия рисков в целом демонстрирует нам ограниченность политических акторов в их способности управлять и контролировать неопределенность, что позволяет говорить о некотором постоянном процессе эмансипации рисков/неопределенности.

То же можно отметить и для ситуаций рациональной оценки рисков, которые ведут к рассогласованию. Например, исследование восприятия американцами рисков фиксирует информированность о них населения, но при этом предпочтения избирателей относительно целей государственного финансирования не коррелируют с рисками, на предотвращение которых они направлены. На фоне имеющегося знания ключевую роль играют ценностные суждения как степень, в которой жертвы риска заслуживают больше защиты. При этом при расхождении во мнениях в определении политических приоритетов опрошенные часто объясняют позиции своих оппонентов невежеством или дезинформацией [Friedman, 2019, p. 194].

Другой аспект массового сознания фиксируют исследователи технологического развития и восприятия экологического риска. В частности, наиболее высокие уровни воспринимаемого экологического риска наблюдаются в тех странах, где уровень распространения технологий низок, но где в последнее время наблюдается значительное технологическое развитие [Lima, Barnett, Vala, 2005].

Пандемия COVID-19 может быть рассмотрена как конфликт или столкновение обществ с новой неопределенностью. С одной стороны, исследование восприятия риска при COVID-19 в целом подтверждает влияние базовых факторов и закономерностей восприятия риска: добровольность его принятия (снижение уровня восприимчивости); знание (новый риск вызывает повышенный страх); невидимость (повышение уровня восприимчивости); доверие (низкое доверие к управляющим риском не позволяет управлять его восприятием) [Cori

et al., 2020, p. 3–4]. С другой — фактор доверия оказывается более сложным, поскольку влияние оказывает именно уровень социального доверия, которое способствует следованию государственной повестке профилактических мероприятий. Анализ указывает, что восприятие риска в подобных ситуациях динамично и связано с контекстом (угроза экономике и системе здравоохранения), при этом сопряжено с аффектом: ассоциированная с угрозой визуализация риска способна формировать его восприятие [Siegrist, Luchsinger, Bearth, 2021, p. 797].

Это ставит проблему взаимосвязи публичной коммуникации и массового поведения, которая достаточно давно стала объектом анализа в области изучения общественного здоровья. В частности, ряд недавних эмпирических исследований COVID-19 в США показывает слабую связь между восприятием риска эпидемии и превентивным поведением, нацеленным на предотвращение заболевания (удерживание социальной дистанции, мытье рук) [Trifiletti, 2022].

На уровне массового восприятия риск-рефлексия оказывается не только весьма динамичным процессом, но и механизмом установления множественных связей с политическим, их гибридизации. Это демонстрируют исследования связи политических убеждений с приверженностью противоэпидемическим предписаниям. В частности, в США голосование за Д. Трампа позитивно коррелировало с фактами нарушения мер самоизоляции, хотя при этом многие избиратели республиканцев меняли свое поведение после заявлений соответствующих политических лиц [Barrios, Hochberg, 2020, p. 10–11].

В этом контексте низовые сообщества и сами теории заговора являются достаточно значимым коллективным продуктом риск-рефлексии. Исследователи сторонников теорий заговоров отмечают их общее психологическое состояние, связанное с нарциссизмом, сниженной эмпатией, что ведет к повышенному восприятию индивидуального риска и мотивации самозащиты. Это согласуется, с одной стороны, с пониженным социальным доверием и, с другой стороны, со снижением интереса к вовлечению в легальное (нормативное) политическое поведение, особенно в случае инициирования его государством. И напротив — политическое участие может активизироваться путем перехода к неконвенциональным средствам [Marinthe et al., 2020, p. 969].

Рассматривая взгляды на конспирологические теории, П. Мариан-Арнат отмечает, что их можно определить как «альтернативные сценарии, порожденные игнорированием бесконечно малой сложности реальности и переоценкой наших экспертных возможностей» [Marian-Arnat, 2020, p. 29], которые являются еще и способом обозначить воспринимаемые риски, избежать структур доминирования за счет конспирологического нарратива как формы сопротивления.

После рассмотрения основных уровней риск-рефлексии нам необходимо ответить на вопрос о роли цифровой трансформации общества в этих процессах. В нашем понимании цифровизация исходит из принципа преодоления автономии объектов управления и соответствующих ограничений, связанных с их пространственно-временным существованием. С одной стороны, речь идет о создании общего и достаточно универсального поля управления, с другой — о детерминации характеристик и возможных взаимосвязей между объектами

управления. Это не позволяет рассматривать цифровизацию как просто специфические технологические и коммуникативные условия, при которых реализуется риск-рефлексия. Речь идет о соединении практик формирования общего пространства знания и управления через него. В некотором смысле это движение от режима вертикального управления отношениями «частное — общее» в режим горизонтального управления, в котором взаимодействие с объектами осуществляется по атрибутам/характеристикам без учета их автономии или дистанции за счет исключения неопределенности.

На уровне цифровой трансформации экономики и институтов управления в новой форме капитализма/государств-платформ реализуется принцип перевода гетерогенных сред на язык цифровых онтологий, когда пространства знаний стремятся к формализации и связанности. Современные подходы в урбанистике достаточно хорошо иллюстрируют это в парадигме городского развития на принципах знания, стратегическое измерение которой ориентировано на повышение конкурентоспособности городских агломераций [Yigitcanlar, Velibeyoglu, Martinez-Fernandez, 2008].

В этом отношении процессы риск-рефлексии определяются как особенностями цифрового поля существования реальности, так и возможностями публичной коммуникации, которые оно создает.

В основе управленческой риск-рефлексии кроме принципов умного наблюдения/контроля лежит попытка создать устойчивую городскую среду, существующую как совокупность визуализированных (цифровых) фактов, отражающих действительность [Kitchin, Lauriault, McArdle, 2015, p. 23–25]. Подобная тенденция к доминированию количественной эпистемологии со стандартизированными подходами и инструментальной рациональностью особенно характерна для стратегий «умного города». Достаточно интересно, что в начале 2010-х годов политическая борьба в крупных российских городских агломерациях шла за контроль подачи цифровых жалоб и обращений населения («РосЯма», «РосЖКХ», «Красивый Петербург» и др.), что в значительной степени подтолкнуло органы публичной власти к обретению контроля над цифровым пространством городских проблем через соответствующие порталы («Активный гражданин» в Москве, «Наш Санкт-Петербург»).

Исследователи отмечают один из аспектов существования современных органов управления как агентов риск-рефлексии, выделяя парадигму, в которой стремление расширить пространства знания и его практическая ориентация на будущее заменены практиками «его предотвращения», которые должны поддерживать статус-кво через «отмену и поглощение событий». Вместо реформирования и адаптации существующих видов инфраструктуры в ряде случаев цифровое управление стремится путем отказа от системной иерархии общественного перейти на более плоскую онтологию генерируемых ответов на вызовы путем добавления других форм восприятия и реагирования [Chandler, Fuchs, 2019, p. 37]. Это переводит управление риском в режим его модулирования и медиации, что предполагает укоренение в органах публичного управления практик чувствительности и адаптивности к возмущениям в соответствующей области без существенного внимания к пониманию причин.

С этой точки зрения цифровизация оказывается общим условием, которое служит и практикам психологической адаптации на индивидуальном уровне, когда речь идет про распространение предрассудков или конспирологических нарративов. Социальные сети при этом совмещают в себе характеристики всеобщей связанности и фрагментации, когда речь идет о формировании информационных потоков под предпочтения отдельных участников. В случае теорий заговора возникает эффект своеобразной трайбализации пользователей, которые собираются в виртуальные сообщества, объединенные одними и теми же интересами, ценностями, убеждениями, развивая групповое мышление. Если в обычной ситуации речь идет об общем пространстве воспроизводства знания (как в случае форумов или общих чатов), то особенность выдачи информации в социальных медиа может создавать эффект синхронизации «внешнего» контекста, который в некотором смысле подтверждает или воспроизводит представления пользователя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Риск-рефлексия в онтологическом измерении политики является потенциальной регрессионной спиралью, в которую вовлекаются (не обязательно в значении их взаимной связи) институты, научное сообщество, общественные движения и персоны в поиске пространства знания о критических для собственного существования состояниях. Незнание и неопределенности задают возможность определения контуров риска и способов управления ими любой из перечисленных сторон.

М. Манн предложил для определения баланса политического контроля политий современности переменную инфраструктурной власти как «способности государственных институций внедряться в гражданское общество, логистически обеспечивая исполнение политических решений» [Манн, 1984, р. 189]. Если ее прямой эффект был в лишении власти волюнтаристского измерения в пользу институционального контроля, то косвенный вел к усложнению и ослаблению прямой власти благодаря абсорбированию и освоению технологий управления в гражданской сфере.

Современная цифровая инфраструктура, обеспечившая глубокую связанность экономического производства, потребления и коммуникации в мире, выполняет аналогичную роль в отношении формирования и передачи знаний о мире и рефлексии через их усложнение и многомерность на каждом новом уровне взаимодействующих акторов.

В этом отношении космополитика государства как нормирующий способ собирания мира через повестку рисков и онтологию действительности оказывается в ситуации постоянных вызовов, требующих адаптации знания и его легитимации со стороны множества участников. Исключительные ситуации катастроф и эпидемий являются типическими событиями, следствиями которых может быть гибридизация объектов области знаний, поскольку их границы оспариваются с позиции нового множества акторов в рамках расширившейся публичной сферы.

Изменяющаяся природа политики открывает перспективу ее исследования через анализ восприятия риска на соответствующих различным акторам уровня рефлексии, когда мы можем обнаружить дефляцию управляющего знания через практики, аналогичные «уходу» или «протесту» у А. Хиршмана. Критериями может быть слияние категорий общественной деятельности при описании проблем (политика и экономика, частное и общее), гибридации угроз (их смешанная природа), конспирологические объяснения (разрушение общей логики связей в пользу изолированного объяснения).

В этом случае подлинный вызов состоит в том, возможно ли применить к ним стандартную для классической политики управленческую стратегию выбора «нормальной практики» или «необходимого зла» или же оно просто не может быть привнесено в привычном виде в космологию новых уровней политической реальности.

Литература

Бек У. Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 2012. № 5. С. 35–52.

Луман Н. Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 19–51.

Никифоров А. А. К проблеме глобализации в современном мире // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 4. С. 93–109.

Чапкис Д. Т. Гибель «Адмирала Нахимова». Ростов н/Д: Проф-пресс, 1995. 608 с.

Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. Социология. Этнология. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.

Barrios J. M., Hochberg Y. Risk perception through the lens of politics in the time of the COVID-19 pandemic // National Bureau of Economic Research. Working Paper, 27008, April, 2020. P. 1–24. <https://doi.org/10.3386/w27008>

Beck U., Wehling P. The politics of non-knowing: An emerging area of social and political conflict in reflexive modernity // The politics of knowledge. Routledge, 2013. P. 33–57.

Bude H. Society of fear. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017. 160 p.

Busby J. S., Onggo S. Managing the social amplification of risk: a simulation of interacting actors // Journal of the Operational Research Society. 2013. Vol. 64, no. 5. P. 638–653.

Chandler D., Fuchs C. Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of big data. London: University of Westminster Press, 2019. 248 p.

Cori L. et al. Risk perception and COVID-19 // International journal of environmental research and public health. 2020. Vol. 17, no. 9, 3114. P. 1–6. <https://doi.org/10.3390/ijerph17093114>

Friedman J. A. Priorities for preventive action: Explaining Americans' divergent reactions to 100 public risks // American Journal of Political Science. 2019. Vol. 63, no. 1. P. 181–196.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Hoboken NJ: Wiley, 2013. 264 p.

Guggenheim M. Introduction: disasters as politics—politics as disasters // The Sociological Review. 2014. Vol. 62, no. 1 suppl. P. 1–16.

Itzen P., Müller S. M. Risk as a category of analysis for a social history of the twentieth century: An introduction // Historical Social Research/Historische Sozialforschung. 2016. Vol. 41, no. 1 (155). P. 7–29.

Kitchin R., Lauriault T. P., McArdle G. Knowing and governing cities through urban indicators, city benchmarking and real-time dashboards // Regional Studies, Regional Science. 2015. Vol. 2, no. 1. P. 6–28.

Latour B. Turning Around Politics. A Note on Gerard de Vries' Paper // Social studies of science. 2007. Vol. 37, no. 5. P. 811–820.

- Lima M. L., Barnett J., Vala J.* Risk perception and technological development at a societal level // *Risk Analysis: An International Journal*. 2005. Vol. 25, no. 5. P. 1229–1239.
- Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results // *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches / Archiv für Soziologie*. 1984. Vol. 25, no. 2. P. 185–213.
- Marian-Arnat P.* The narrative paradigm in conspiracy theories. Messages // *Sages, and Ages*. 2020. Vol. 7, no. 2. P. 26–32.
- Marinthe G. et al.* Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk, and COVID-19 prevention measures // *British journal of health psychology*. 2020. Vol. 25, no. 4. P. 957–980.
- Müller-Mahn D., Everts J., Stephan C.* Riskscape revisited-exploring the relationship between risk, space and practice // *Erdkunde*. 2018. Vol. 72, no. 3. P. 197–214.
- Neisser F. M.* 'Riskscape' and risk management — Review and synthesis of an actor-network theory approach // *Risk Management*. 2014. Vol. 16, no. 2. P. 88–120.
- Siegrist M., Luchsinger L., Bearth A.* The impact of trust and risk perception on the acceptance of measures to reduce COVID-19 cases // *Risk Analysis*. 2021. Vol. 41, no. 5. P. 787–800.
- Snow D. A. et al.* Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51, no. 4. P. 464–481.
- Trifiletti E. et al.* Psychological predictors of protective behaviours during the COVID-19 pandemic: Theory of planned behaviour and risk perception // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2022. Vol. 32, no. 3. P. 382–397.
- Yigitcanlar T., Velibeyoglu K., Martinez-Fernandez C.* Rising knowledge cities: the role of knowledge precincts // *Journal of Knowledge Management*. 2008. No. 12 (5). P. 8–20.
- Zinn J. O.* The proliferation of 'at risk' in The Times: A corpus approach to historical social change, 1785–2009 // *Historical Social Research/Historische Sozialforschung*. 2018. Vol. 43, no. 2 (164). P. 313–364.

Никифоров Александр Андреевич — канд. полит. наук, доц.; nikiforov@politpro.ru

Статья поступила в редакцию: 24 августа 2022 г.;

рекомендована к печати: 22 сентября 2022 г.

Для цитирования: Никифоров А.А. Онтологическое и политическое измерения риска-рефлексии: общество риска и цифровая трансформация // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 489–503. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.409>

ONTOLOGICAL AND POLITICAL DIMENSIONS OF REFLECTION ON RISK: RISK SOCIETY AND DIGITALIZATION*

Alexander A. Nikiforov

St Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; nikiforov@politpro.ru

Given publication raises the question of the role of reflection on risk in the formation of political space and relations of various actors. The author starts from the Hobbesian problem of the social order to define the role of the state in the formation of the space of certainty/security. For this purpose reflection on risk is considered as an ontological principle, that allows political subjects to create a boundary between stabilized knowledge as a valid present and uncertainty as an area of the future with multiple outcomes. The analysis determines various theoretical implications and concepts as a way for understanding the mechanisms of reflection on risk in

* The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-78-10049 "The state and the citizen in the new digital reality").

the practices of various political actors and their relationships (state institutions, social movements, citizens, etc.). In this regard, the author considers the paradigm of cosmopolitanism to determine the possibilities to explore political dimension of risk. The analysis of specific events such as public conflicts and catastrophes makes it possible to identify the limitations of risk control imposed by the state and to determine the level of mass consciousness as a space and a source of multiple risk reflection, which is new could be related with contemporary political populism, irrationality and the actualization of conspiracy narratives as one of the ways to identify and stabilize perceived group or individual risks. The processes of digitalization themselves are considered as a way to reduce risk by managing it through the determination of attributes/ characteristics of objects. On the other hand, digital communication is defined as a new way of existence of publicity, expanding opportunities for reflexivity due to the universal connectivity and fragmentation of audiences united by the perception of risk. This determines the possibilities for evaluation of the deflation of governance as risk/knowledge management and the degree of the gap in risk perception among various actors.

Keywords: risk society, risk, reflection on risk, knowledge, cosmopolitics, disaster, epidemic, digitalization.

References

- Barrios J.M., Hochberg Y. Risk perception through the lens of politics in the time of the COVID-19 pandemic. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper, 27008, April, 2020, pp. 1–24. <https://doi.org/10.3386/w27008>
- Beck U., Wehling P. The politics of non-knowing: An emerging area of social and political conflict in reflexive modernity. *The politics of knowledge*. Routledge, 2013, pp. 33–57.
- Beck U. Living in and Coping with World Risk Society: The Cosmopolitan Turn. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2012, no. 5, pp. 35–52. (In Russian)
- Bude H. *Society of fear*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2017. 160 p.
- Busby J. S., Onggo S. Managing the social amplification of risk: a simulation of interacting actors. *Journal of the Operational Research Society*, 2013, vol. 64, no. 5, pp. 638–653.
- Chandler D., Fuchs C. *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary perspectives on capitalism, labour and politics in the age of big data*. London: University of Westminster Press, 2019. 248 p.
- Chapkin D. T. “Admiral Nakhimov” sank. Rostov-on-Don: Prof-Press, 1995. 608 p. (In Russian)
- Cori L. et al. Risk perception and COVID-19. *International journal of environmental research and public health*, 2020, vol. 17, no. 9, 3114, pp. 1–6. <https://doi.org/10.3390/ijerph17093114>
- Friedman J.A. Priorities for preventive action: Explaining Americans’ divergent reactions to 100 public risks. *American Journal of Political Science*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 181–196.
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Hoboken NJ: Wiley, 2013. 264 p.
- Guggenheim M. Introduction: disasters as politics–politics as disasters. *The Sociological Review*, 2014, vol. 62, no. 1 supply, pp. 1–16.
- Itzen P., Müller S.M. Risk as a category of analysis for a social history of the twentieth century: An introduction. *Historical Social Research/Historische Sozialforschung*, 2016, vol. 41, no. 1 (155), pp. 7–29.
- Kitchin R., Lauriault T.P., McArdle G. Knowing and governing cities through urban indicators, city benchmarking and real-time dashboards. *Regional Studies, Regional Science*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 6–28.
- Latour B. Turning Around Politics. A Note on Gerard de Vries’ Paper. *Social studies of science*, 2007, vol. 37, no. 5, pp. 811–820.
- Lima M. L., Barnett J., Vala J. Risk perception and technological development at a societal level. *Risk Analysis: An International Journal*, 2005, vol. 25, no. 5, pp. 1229–1239.
- Luhman N. Risk and danger. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 2, pp. 19–51. (In Russian)

Mann M. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv für Soziologie*, 1984, vol. 25, no. 2, pp. 185–213.

Marian-Arnat P. The narrative paradigm in conspiracy theories. *Messages. Sages, and Ages*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 26–32.

Marinthe G. et al. Looking out for myself: Exploring the relationship between conspiracy mentality, perceived personal risk, and COVID-19 prevention measures. *British journal of health psychology*, 2020, vol. 25, no. 4, pp. 957–980.

Müller-Mahn D., Everts J., Stephan C. Riskscape revisited-exploring the relationship between risk, space and practice. *Erdkunde*, 2018, vol. 72, no. 3, pp. 197–214.

Neisser F.M. 'Riskscape' and risk management — Review and synthesis of an actor-network theory approach. *Risk Management*, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 88–120.

Nikiforov A. A. Towards globalization issue in contemporary world. *Political expertise: POLITEX*, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 93–109. (In Russian)

Siegrist M., Luchsinger L., Bearth A. The impact of trust and risk perception on the acceptance of measures to reduce COVID-19 cases. *Risk Analysis*, 2021, vol. 41, no. 5, pp. 787–800.

Snow D.A. and all. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation. *American Sociological Review*, 1986, vol. 51, no. 4, pp. 464–481.

Trifiletti E. et al. Psychological predictors of protective behaviours during the COVID-19 pandemic: Theory of planned behaviour and risk perception. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2022, vol. 32, no. 3, pp. 382–397.

Yanitskiy O. N. Sociology of risk: key points *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. 2003, vol. 12, no. 1, pp. 3–35. (In Russian)

Yigitcanlar T., Velibeyoglu K., Martinez-Fernandez C. Rising knowledge cities: the role of knowledge precincts. *Journal of Knowledge Management*, 2008, no. 12 (5), pp. 8–20.

Zinn J.O. The proliferation of 'at risk' in The Times: A corpus approach to historical social change, 1785–2009. *Historical Social Research/Historische Sozialforschung*, 2018, vol. 43, no. 2 (164), pp. 313–364.

Received: August 24, 2022

Accepted: September 22, 2022

For citation: Nikiforov A. A. Ontological and political dimensions of reflection on risk: Risk society and digitalization. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 489–503. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.409> (In Russian)